

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ ОРЛИЦКИЙ

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
УНЛ мандельштамоведения Института филологии
и истории

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-4868-8882; ju_b_orlitski@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СТИХОВЕДЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ РОМАНА ЯКОБСОНА (1916–1923)

Аннотация. Рассматривается важнейшая составляющая научной личности великого русского филолога Р. О. Якобсона – стиховедческая, от работы к работе прослежен процесс складывания (1916–1923) комплекса революционных научных идей ученого, связанных с осознанием особой ритмической и смысловой природы стихотворной речи, с одной стороны, и основных методологических установок, обеспечивающих это осознание, – с другой. Показано, какую роль в этом процессе играет собственное поэтическое творчество молодого Якобсона, публиковавшего стихи в футуристических изданиях под псевдонимом Роман Алягров; как практическое понимание творческих процессов позволяет молодому исследователю проникать в тайны поэтического творчества. Особое внимание уделено кругу теоретико-лингвистических проблем, на которые Якобсон живо откликался в первые годы самостоятельной научной деятельности и которым оставался верен на протяжении всей жизни: последовательное понимание поэзии как языка в его эстетической функции; проблема факторов вариативности, служащих объективными основаниями особой поэтической речи; «проблема семантических ассоциаций, связанных с некоторыми метрическими формами, и общих правил, ограничивающих набор разрешаемых метром форм», «типологическое сравнение национальных систем стиха». Все это было фундировано у молодого Якобсона глубоким знанием языков, причем разного типа, теоретическим складом мышления, критическим отношением к научным авторитетам старших поколений и подкреплено общим революционным энтузиазмом первых десятилетий XX столетия.

Ключевые слова: Роман Якобсон, стиховедение, лингвистика, методология, поэзия, стих, национальные стиховые системы

Для цитирования: Орлицкий Ю. Б. Формирование стиховедческих взглядов Романа Якобсона (1916–1923) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 35–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1263

Известно, что в американской и многих других национальных исследовательских традициях теория стиха (стиховедение) последовательно и вполне осознанно воспринимается как органическая часть лингвистической науки. В этом смысле научная деятельность великого ученого Романа Осиповича Якобсона – безусловный аргумент в пользу именно такого решения проблемы статуса этой научной дисциплины.

В предисловии к тому избранных трудов Р. О. Якобсона, составленному М. Л. Гаспаровым, «Работы по поэтике» Вяч. Вс. Иванов справедливо писал:

«Всегда в поле его зрения оставалась необходимость живой связи лингвистики и поэтики. Он настаивал на том, что без понимания роли разных уровней языка в поэзии нельзя до конца понять язык ни в его

функционировании, ни в истории; поэтому поэтика всегда оставалась для него пробным полем, экспериментальным простором для лингвистики. Вместе с тем он считал невозможным построить серьезную описательную и историческую поэтику без опоры на лингвистические выводы. Оттого языковедение и поэтика для него были близнецами, неразлучимость которых он не переставал доказывать» [3: 5].

Еще в написанной совместно с П. Богатыревым брошюре 1923 года «Славянская филология в России за годы войны и революции» авторы называют одну из глав своего обзора «Поэтикой» и интерпретируют эту часть филологии как одну из «лингвистических дисциплин», причем до недавнего времени «находившуюся в загоне»¹. Как очевидный ответ на этот объективный вызов можно рассматривать и тот факт,

что один из томов «Избранных сочинений» Якобсона – пятый – так и называется – «О стихе» [13] и включает в основном собственно стиховедческие работы, написанные в самые разные годы творческой жизни Якобсона; при этом статьи, посвященные исследованию различных аспектов теории стиха, находим и в других томах этого замечательного девятитомника. Как писал сам ученый в поздней работе «Retrospect» [12], переведенной М. Гаспаровым и опубликованной под названием «Ретроспективный обзор работ по теории стиха» [11]:

«...на протяжении всей моей научной жизни меня всегда привлекали необъятные области стиховедения (*Verslehre*) с их множеством разнообразнейших проблем, заманчивых и все еще не решенных» [11: 242].

Не будет преувеличением сказать, что работами о поэзии и стихе Якобсон и начинает, и завершает свой многолетний научный путь. Тем не менее наиболее плотно они сосредоточены именно в начале его научной карьеры, о чем убедительно свидетельствует и наиболее полная библиография работ ученого, составленная его учеником и исследователем Стивеном Руди [15], автором диссертации «Поэтика Якобсона московского и пражского периодов» (диссертация на соискание ученой степени доктора философии Йельского университета, 1978) [14]. В уже упомянутом обзоре, после данной в начале справедливо высокой оценки статей А. Белого, опубликованных в «Символизме» и заложивших начало научному стиховедению в России, Якобсон пишет:

«Я испытывал глубокую неудовлетворенность господствовавшим в то время ненаучным подходом к теории литературы и поверхностными, импрессионистическими работами критиков в этой области, поэтому меня чрезвычайно увлекла вдохновенная и вдохновляющая конкретность прозрений Белого, и в особенности его скрупулезное исследование поэтического мастерства» [11: 239].

Далее как пример реального преодоления «ненаучности» тогдашней филологической науки в целом Якобсон приводит деятельность московского лингвистического кружка (МЛК) [6], работой которого он руководил и среди достижений которого особо выделял

«блестящие доклады Б. И. Ярхо (1889–1942) о латинских “каролингских ритмах”, Б. В. Томашевского (1890–1957) о пятистопном ямбе Пушкина и О. М. Брика (1888–1945) о “ритмико-синтаксических фигурах” и дискуссии по докладам» [11: 241].

Как видим, «блестящими» Якобсон называет доклады, посвященные вполне конкретным, даже частным вопросам теории и истории стиха, в то время как с самого начала его больше при-

влекают проблемы общие, хотя тоже рассматриваемые на вполне обозримом, конкретном материале. И начало такому подходу закладывается именно в первые годы научной карьеры будущего основоположника структурализма.

Этот период научного творчества Якобсона подробно анализирует И. Пильщиков в статье с показательным названием «Заседание московского лингвистического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стиховедческих концепций О. Брика, Б. Томашевского и Р. Якобсона» [4]. И тут, как нам представляется, важно открыть библиографию Руди: она начинается – и это вполне закономерно – созданными и опубликованными Якобсоном художественными текстами, вошедшиими в их совместную с Алексеем Крученых «Заумную гнигу» (М., 1915). Их в «Заумной гниге» два, они расположены одно под другим на странице, отведенной «главным» автором «гостю». Вот первый, помещенный прямо под псевдонимом автора – Алягров, который, тем более в таком контексте, тоже выглядит как образец зауми:

мзглыбжву ѹихъяньдрю чтлэшк хн фя съп скыполза
а Втаб-длкни тъяпра какайзчди евреец чернильница²;

а вот второй, «ползуамный», содержащий несколько традиционных лексем:

РАССЕЯНОСТЬ
удуша янки аркан
канкан армянк
душаянки китаянки
кит ы так и никакая
армяк
этикэтка тихая ткань тик
тканія кантик
а о оршат кянт и тюк
таки мяк
тмянты хняку шкям
анмяя кыкъ
атразиксю намёк умён тамя
мянк – ушатя
не аваопостне передовица
передник гублицю стоп
тляк в ваго передавясь ³ .

Как видим, первый текст можно интерпретировать и как стихотворный, и как прозаический, а второй – как безусловно стихотворный, причем написанный свободным стихом; кроме этого, в ряде случаев Алягров с помощью курсива обозначает ударения, что очень важно для чтения заумных текстов, трудно вписывающихся в конкретные силлабо-тонические размеры. Однако автор делает это непоследовательно, особенно во втором тексте, в котором активно используется аллитерация как дополнительное стихообразующее средство. В общем, нетрудно увидеть в этих опытах своеобразный синтез

собственно художественного формального эксперимента по созданию заумных текстов в духе радикального футуризма и одновременно аналитического самоописания творческого процесса.

Сюда же примыкает несколько экспериментальных якобсоновских переводов стихов Хлебникова и Маяковского на разные языки, созданных в 1910-е годы, из которых особенно выделяется переложение на старославянский стихотворения Маяковского «Ничего не понимают» (1914), выполненное в 1917 году [8: 239, 284]. Правда, впервые оно было опубликовано только в 1940 году в мемуарах В. Нейштадта о Маяковском⁴, а предметом научной рефлексии стало еще позднее, в статье 1989 года [7] и на знаменитом конгрессе «100 лет Р. О. Якобсону» в РГГУ в 1996 году, где это произведение в присущем ему провокативном стиле представил известный московский стиховед Максим Шапир.

Позднее указанные футуристические опыты составили ядро уже упомянутой книги «Будетянин науки» и лишний раз подтвердили мысль, что ученый, занимающийся изучением художественной словесности, не может не знать, как, по каким законам эта словесность создается – причем знать не только теоретически, но и практически, что Якобсон как раз и демонстрирует своими первыми опытами. Вслед за стихами и переводами на рубеже 1910–1920-х годов закономерно появляются популярные критические статьи Якобсона о футуризме в поэзии и новых явлениях в изобразительном искусстве [5].

Вся эта работа, как позднее выяснилось, носила в основном подготовительный характер, однако она проявила общую закономерность творчества начинающего ученого, прекрасно описанную Н. С. Автономовой:

«Истоком страсти Якобсона к языку была поэзия – сначала символистская, потом футуристская: обычно, говоря о литературе, он обращался к поэзии. Причина этого, однако, не совсем очевидна: поэзия для него – это единственный универсальный жанр искусства. Проза существует не везде, а поэзия везде; проза – это смягченная поэзия, а поэзия прямо повернута к языку. В самом деле, обыденный разговор произведен, а поэзия подчиняется наиболее четким и строгим формальным принуждениям (ритм, звуковой строй, семантическая организация, пространственная форма – повторы, симметрии, градации, оппозиции)» [1: 32].

Как результат всей этой деятельности в 1921 году выходит первая собственно научная работа начинающего исследователя – и сразу монография (хотя и миниатюрная, всего 68 страниц) – «Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Виктор Хлебников»⁵. Однако, вопреки ожида-

ниям, собственно стиховедческих наблюдений и выводов в этой книге немного, и все они касаются исключительно звуковой стороны поэтической речи близко знакомого ученому великого поэта. При этом большую часть исследования составляют, как пишет Якобсон, предваряя главку о синтаксисе Хлебникова, скорее «отдельные замечания» [9: 46], чем систематическое изложение теории; касаются они в первую очередь конкретных тропов и фигур хлебниковской речи. Однако в то же время в работе много основополагающих методологических замечаний об определяющей роли лингвистики в изучении поэзии. Более того, уже в самом начале книги появляется важнейший тезис поэтики Якобсона: «Поэзия есть язык в его эстетической функции» [9: 27]. Особое вниманиеделено неологизмам и зауми Хлебникова и их роли в его индивидуальной поэтике. Много замечаний об эвфонии хлебниковского стиха и о его рифме, вообще о новейшей русской рифме; в этом разделе своей работы Якобсон переходит от заметок к связной теории и, по сути дела, описывает закономерности рифмы современной ему поэзии, попутно, как всегда, делая важнейшее замечание: «Русский верлибр выдвинул с новой силой установку на рифму» [9: 74].

Характерно, что в том же 1921 году появляется статья Якобсона «О художественном реализме», в которой автор выступает прежде всего как принципиальный критик нетерминологического употребления слова «реализм», начиная свое рассуждение словами:

«До недавнего времени история искусства, в частности история литературы, была не наукой, а causerie (болтовней – прим. редактора). Следовала всем законам causerie. Бойко перебегала от темы к теме, от лирических словоизлияний об изяществе формы к анекдотам из жизни художника, от психологических трюизмов к вопросу о философском содержании в социальной среде» [10: 387].

Не говоря о стихе и его теории в буквальном смысле, Якобсон высказывает здесь важнейшую интенцию всего стиховедения «как точной науки», начинающейся от стремления к объективности и терминологической точности и категорического неприятия «causerie» (или как сейчас принято говорить – «филологического ля-ля»), так что и в этом случае статья оказывается методологически крайне важной для стиховедческой науки.

Далее, в упомянутом уже обзоре Богатырева и Якобсона «Славянская филология в России за годы войны и революции», опубликованном в 1923 году, именно стиховедческие работы

Л. Якубинского, Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского, Б. Томашевского, О. Брика, С. Боброва, Р. Якобсона и др. приводятся в качестве примера того, как «молодые русские филологи пытаются построить новую теорию поэтического языка»⁶; прямо перед ними в обзоре сочувственно упомянуты также работы ученых старшего поколения, писавших в начале века о поэтическом языке и о стихе, в том числе и то, что «русские символисты немало делали за последние годы для популяризации своих ритмических и эвфонических теорий»⁷. Однако в том же году молодой ученый выступает, как он сам писал по другому поводу, с «жестокой критикой» брюсовского «учебника» «Наука о стихе»⁸ и отчасти его авторской стиховедческой хрестоматии «Опыты»⁹. В рецензии Якобсона «Брюсовская стихология и наука о стихе» снова на первом плане – осуждение многочисленных терминологических неточностей и даже ошибок, начиная с нечеткого, противоречивого употребления самого понятия «ритм»¹⁰.

Якобсон вполне справедливо пишет:

«Новая книга Брюсова – яркий образчик обнаженной терминологии. Брюсов пускает в ход весь громоздкий реквизит классической метрики: иперметрия, липометрия, систола, диастола, синереса, диереса, синкопа, бакхий, анти-бакхий, моллосс, амфимакр, диямб, ди-хорей, антиспаст, ионическая восходящая, ионическая нисходящая, дипиррихий, диспондей, эпиритры, дохмий и т. п. испещряют страницы новой книги по русской метрике. Не объяснить, далее не описать явление стремится Брюсов, а только окрестить его»¹¹.

Соответственно, далее Якобсон называет брюсовскую теорию стиха «бумажной» (в то время как у Голохвастова она, по мнению Якобсона, «архивная»)¹².

Сkeptически относится Якобсон и к принципиальной приверженности Брюсова – причем и как практика, и как теоретика – к силлаботонике и ее стопной теории, объясняющей все: классик символизма, как известно, категорически не понимал и не принимал литературной тоники (в отличие от фольклорной), о чем позднее писал и Гаспаров, говоря об определенной ритмической робости поэта, не позволившей ему всерьез освоить даже дольники [2: 408–410] – в отличие от Якобсона, отдававшего предпочтение (очевидно, и под влиянием практики любимых им футурристов) именно тонике и постоянно противопоставлявшего «живой» тонический стих «музейной» силлабике и силлаботонике.

Не удовлетворяет Якобсона и брюсовский подход к рифме, главу о которой критик пренебрежительно называет «статьейкой о рифме», которая по бедности метода, классификаций

и определений превосходит все остальные»¹³ и согласно которой «не фонетический, а буквенный состав» является решающим моментом¹⁴. Характерен и главный вывод ученого по поводу брюсовской теории в целом и излагающего ее учебного курса: «метрическая система Брюсова проходит мимо языка»¹⁵ (снова апелляция именно к языку!).

В следующем, 1923 году Якобсон публикует свою «Заметку о древнеболгарском стихосложении»¹⁶, начинающуюся словами:

«Вчитываясь в древнерусские церковные песнопения, я невольно обратил внимание на их ритмичность. При ближайшем рассмотрении мне удалось установить, что древнеболгарские протографы, по крайней мере части тех отрывков, которые оказались у меня под рукой, написаны силлабическим стихом <...> система состоит в равносложности всех стихов; цезура обычна; стих заканчивается хореически: внутри стиха расстановка ударений более или менее свободна. Наряду с политическим стихом бытовал в Византии и стих “ритмический” <...> чуждый силлабическому принципу – тонический, но не стопный, тесно связанный с музыкальным исполнением»¹⁷.

Далее Якобсон предлагает собственные «попытки ритмической реставрации кондаков», сделанной с опорой на ритмическую разметку текста, основанную на знаках препинания, высказывая попутно мысли о природе стихотворного переноса, о причинах отказа некоторых современных поэтов от знаков препинания и т. п. нюансах, связанных с этими компонентами речи. Однако пятый том «Избранных работ» Якобсона закономерно открывается не этими работами, очень важными для понимания логики развития начинаящего исследователя, а исследованием того же 1923 года «О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским», вышедшим в знаменитой опоязовской серии «Сборники по теории поэтического языка»¹⁸ (чешская версия книги с принципиальным авторским послесловием вышла в Праге в 1926 году¹⁹). В этой небольшой, но чрезвычайно емкой работе Якобсон обоснованно критикует бывшие в те годы очень популярными «произносительные» теории стиха (Сиверса и др.²⁰; при этом сам он активно опирается на «записи французов», сделанные Броком с помощью его звукозаписывающего «аппарата»²¹).

Всесторонне анализируя особенности чешской стихотворной речи, русский ученый последовательно сравнивает разные национальные системы славянского стиха с фонологической точки зрения, вводит в активный оборот представления о сильных и слабых ударениях, о реальной ритмообразующей функции словоразделов,

долгот и краткостей гласных в чешском стихе, об исторических особенностях чешской рифмы; наконец, рассуждает о комплексе разнородных причин, на практике порождающих «иноземное воздействие на версификацию» – как на конкретно чешскую, так и в общетеоретическом, типологическом смысле.

Наконец, в примечаниях – будто бы между делом – Якобсон одним из первых пишет о характерных особенностях тонического стиха Маяковского (поэзию которого метко называет «поэзией выделенных строк по преимуществу»²²) и о соответствующей им стиховой графике, в первую очередь о так называемой «лесенке»:

«Деление на строчки самого Маяковского не совпадает с подлинными границами стихов. Я обозначаю его вертикалями. Это деление нельзя считать, как делают многие, “причудою”. Оно подсказывает читателю сущность ритмического членения стихов Маяковского. <...> Это несущественно, что у Маяковского далеко непоследовательно совпадение ритмического члена со стихотворной строчкой, и на одну строчку сплошь и рядом может приходиться по два, а то и по нескольку членов. Важно, что графическим приемом дана установка на членение стиха»²³.

В уже упомянутом позднем обзоре «Retrospect», подводя итоги своих многолетних исследований по теории стиха (проводимых, кстати сказать, на материале не только русского, чешского и болгарского, но и французского и норвежского стиха, мордовской народной песни и т. д., причем постоянно приводя весь этот разнообразнейший материал в виде убедительных

примеров), Якобсон перечисляет волновавшие его в течение жизни «разнообразнейшие проблемы, заманчивые и все еще не решенные», среди которых «проблема факторов вариативности, на которую я указал в моей книге о чешском стихе»; «проблема семантических ассоциаций, связанных с некоторыми метрическими формами»; «проблема общих правил, ограничивающих набор разрешаемых метром форм», «типологическое сравнение национальных систем стиха». Нетрудно увидеть, что это – самые живые проблемы не только для Якобсона, но и для мирового стиховедения в целом. А сам Якобсон, перечисляя их, пишет, что стал размышлять над ними начиная с самых ранних работ и неоднократно к ним возвращался. И действительно, в свои ранние годы, московские и пражские, Якобсон, по сути дела, закладывает прочные теоретические основы своих основных стиховедческих концепций, на которые потом будет ориентироваться всю жизнь: последовательное понимание поэзии как языка в его эстетической функции; проблема факторов вариативности, служащих объективными основаниями особой поэтической речи.

Все это было фундировано у молодого Якобсона глубоким знанием языков, причем разного типа, теоретическим складом мышления, критическим отношением к научным авторитетам старших поколений и подкреплено общим революционным энтузиазмом первых десятилетий XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин: ОПОЯЗ, 1923. С. 23.
- ² Крученых А. Е., Алягров. Заумная гнига. М.: Тип. Работнова, 1916. С. 44.
- ³ Там же.
- ⁴ Нейштадт В. И. Из воспоминаний о Маяковском // 30 дней. 1940. № 9-10. С. 102–105.
- ⁵ Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Виктор Хлебников. Прага, 1921. 68 с.
- ⁶ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Славянская филология в России... С. 24.
- ⁷ Там же. С. 26.
- ⁸ Брюсов В. Я. Краткий курс науки о стихе: Наука о стихе: (Лекции, чит. в Студии стиховедения в Москве 1918 г.). М.: Альциона, 1919. 131 с.
- ⁹ Брюсов В. Я. (1873–1924). Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфики и формам. Со вст. ст. автора. М.: Геликон, 1918. 200 с.
- ¹⁰ Якобсон Р. О. Брюсовская стихология и наука о стихе // Научные известия Академического центра Наркомпроса РСФР. Сборник 2-й: философия, литература, искусство. М.: ГИЗ, 1922. С. 224.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 226.
- ¹³ Там же. С. 239.
- ¹⁴ Там же. С. 240.
- ¹⁵ Там же. С. 227.
- ¹⁶ Якобсон Р. О. Заметка о древнеболгарском стихосложении // Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1923. № 2. С. 351–358.
- ¹⁷ Там же. С. 351.
- ¹⁸ Якобсон Р. О. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. Вып. V. ОПОЯЗ-МЛК. Берлин: Гос. изд-во РСФСР, 1923. 120 с. (Сборники по теории поэтического языка).

¹⁹ Jakobson R. Základy českého verše. Praha: Odeon (typ. A. Novotný), 1926. 140 str.

²⁰ Якобсон Р. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским // Jakobson R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. С. 20–21.

²¹ Там же. С. 71–74.

²² Там же. С. 100.

²³ Якобсон Р. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским // Jakobson R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. С. 106.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 509 с.
2. Гаспаров М. Л. Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец (1910–1920-е годы) // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. III. О стихе. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 399–422.
3. Иванов Вяч. Вс. Поэтика Романа Якобсона // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 5–29.
4. Пильщик И. Заседание московского лингвистического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стиховедческих концепций О. Брика, Б. Томашевского и Р. Якобсона // Revue des études slaves. 2017. LXXXVIII 1-2. DOI: 10.4000/res.956 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journals.openedition.org/res/956> (дата обращения 12.08.2025).
5. Ранние статьи Р. О. Якобсона о живописи / Подгот. текста А. Е. Парнича; Коммент. А. Е. Парнича; Вступ. слово А. Е. Парнича // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 409–413.
6. Шапир М. И. Московский лингвистический кружок (1915–1924) // Российская наука на заре нового века: Сборник научно-популярных статей. М.: Науч. мир: Природа, 2001. С. 457–464.
7. Шапир М. И. Русская тоника и старославянская силлабика: Вл. Маяковский в переводе Р. Якобсона // Даугава. 1989. № 8. С. 65–79.
8. Якобсон Р. О. Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и comment. Бенгта Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. 306 с. (Испр. и доп. переизд. сб. материалов «Якобсон-будетлянин» (Стокгольм, 1992))
9. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. Набросок первый: Подступы к Хлебникову // Мир Велимира Хлебникова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 20–77.
10. Якобсон Р. О. О художественном реализме // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 387–393.
11. Якобсон Р. О. Ретроспективный обзор работ по теории стиха / Пер. с англ. М. Л. Гаспарова // Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 239–269.
12. Jakobson R. Retrospect // Jakobson R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. P. 569–602.
13. Jakobson R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. 623 p.
14. Rudy S. Jakobsonian poetics of the Moscow and Prague periods [PhD dissertation, Yale University]. Yale University, 1978. 530 p.
15. Rudy S. Roman Jakobson, 1896–1982: A complete bibliography of his writings. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1990 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://comenius-bibl.wz.cz/Jakobson.html#swii2> (дата обращения 20.07.2025).

Поступила в редакцию 25.08.2025; принята к публикации 10.11.2025

Original article

Yuriy B. Orlitskiy, Dr. Sc. (Philology), Leading Researcher, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-4868-8882; ju_b_orlitski@mail.ru

FORMATION OF ROMAN JAKOBSON'S VIEWS ON POETRY (1916–1923)

A b s t r a c t. This article explores a key aspect of the scholarly personality of the renowned Russian philologist Roman Jakobson, specifically his work related to poetic studies. It traces the work-to-work development of a complex of his revolutionary scientific ideas from 1916 to 1923, highlighting his evolving understanding of the unique rhythmic and semantic nature of poetic speech, on the one hand, and the main methodological principles that underpin this awareness, on the other hand. The role of Jakobson's poetic creativity during his early years in this process is emphasized, including his publication of poems under the pseudonym Roman Alyagrov in futuristic editions. This practical engagement with poetry enabled the young researcher to delve deeply into the intricacies of poetic creation. Significant attention is given

to the range of theoretical and linguistic issues that Jakobson passionately addressed during the first years of his independent scientific career – issues to which he remained committed throughout his life. These include a consistent understanding of poetry as a form of language serving an aesthetic function, the exploration of variability factors that form the objective basis of special poetic speech, the investigation of “semantic associations linked to specific metrical patterns, as well as the general rules that constrain permissible forms within a given meter”, and the “typological comparison of national poetic systems”. All these insights stemmed from Jakobson’s profound knowledge of multiple languages of different types, his theoretical mindset, his critical attitude toward the scientific authorities of previous generations and were reinforced by the common revolutionary enthusiasm characteristic of the first decades of the twentieth century.

Key words: Roman Jakobson, versification, linguistics, methodology, poetry, verse, national verse systems

For citation: Orlitskiy, Yu. B. Formation of Roman Jakobson’s views on poetry (1916–1923). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):35–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1263

REFERENCES

1. Avtonomova, N. S. Open structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov. Moscow; St. Petersburg, 2014. 509 p. (In Russ.)
2. Gasparov, M. L. Bryusov as a poetry scholar and a poet (1910–1920s). *Gasparov, M. L. Selected works*. Vol. III. About verse. Moscow, 1997. P. 399–422. (In Russ.)
3. Ivanov, V. V. Roman Jakobson’s poetics. *Jakobson, R. O. Works on poetics*. Moscow, 1987. P. 5–29. (In Russ.)
4. Pilshchikov, I. The meeting of the Moscow Linguistic Circle of June 1st 1919 and the genesis of the prosodic theories of Osip Brik, Boris Tomashevsky, and Roman Jakobson. *Revue des études slaves*. 2017;LXXX-VIII-1-2:151–175. DOI: 10.4000/res.956. Available at: <http://journals.openedition.org/res/956> (accessed 12.08.2025). (In Russ.)
5. Roman Jakobson’s early articles on painting. (A. E. Parnis, Ed.). *Jakobson, R. O. Works on poetics*. Moscow, 1987. P. 409–413. (In Russ.)
6. Shapir, M. I. Moscow Linguistic Circle (1915–1924). *Russian science at the dawn of the new century: Collection of articles*. Moscow, 2001. P. 457–464. (In Russ.)
7. Shapir, M. I. Russian tonics and Old Church Slavonic syllabics: Vladimir Mayakovsky’s poems translated by Roman Jakobson. *Daugava*. 1989;8:65–79. (In Russ.)
8. Jakobson, R. O. Budetlyanin of science: memories, letters, articles, poems, prose. (B. Jangfeldt, Ed.). Moscow, 2012. 304 p. (In Russ.)
9. Jakobson, R. O. The newest Russian poetry. The first sketch: Approaches to Khlebnikov. *The world of Velimir Khlebnikov*. Moscow, 2000. P. 20–77. (In Russ.)
10. Jakobson, R. O. On artistic Realism. *Jakobson, R. O. Works on poetics*. Moscow, 1987. P. 387–393. (In Russ.)
11. Jakobson, R. O. Retrospective review of works on the theory of verse. (M. L. Gasparov, Transl.). *Jakobson, R. O. Selected works*. Moscow, 1985. P. 239–269. (In Russ.)
12. Jakobson, R. Retrospect. *Jakobson, R. Selected writings*. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York, 1979. P. 569–602.
13. Jakobson, R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York, 1979. 623 p.
14. Rudy, S. Jakobsonian poetics of the Moscow and Prague periods [PhD dissertation, Yale University]. Yale University, 1978. 530 p.
15. Rudy, S. Roman Jakobson, 1896–1982: A complete bibliography of his writings. Berlin; New York, 1990. Available at: <https://comenius-bibl.wz.cz/Jakobson.html#swiii2> (accessed 20.07.2025).

Received: 25 August 2025; accepted: 10 November 2025